

ИСТОРИКО-КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ТЕЗИСЫ И ПОЯСНЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Всякая национальная литература создается и развивается в обширном историко-культурном контексте – природно-космическом, национальном, региональном и мировом. Все эти контексты, постоянно изменяясь и взаимодействуя, так или иначе сохраняют свое присутствие на протяжении всей обозримой истории, определяя изменчивость форм конкретной общественной реальности и многоярусно пронизывающей ее человеческой культуры. Литература, по сути представляющая собой определенную историческую стадию развития языка (устного и письменного) и немислимая вне предоставленных языком способов коммуникации, являет собой сложнейший многофункциональный общественный механизм, в котором изначально господствует *коммуникативная* функция – какие бы оттенки эта функция на протяжении доступной наблюдению истории ни принимала.

2. Сравнительно-исторические и типологические исследования литературного процесса при всей их очевидной важности, на наш взгляд, слишком далеко уведут литературоведение в сферу глобальных обобщений, зачастую лишая эти обобщения конкретно-эмпирической достоверности. Например, многочисленные истории немецкой литературы, продолжающие создаваться и в наши дни, практически почти полностью игнорируют факт длительной исторической раздробленности Германии и тех реальных последствий, которые имела эта раздробленность для судеб немецкой литературы и культуры. Создается приглаженная и обобщенная картина некоего логического и последовательного литературного развития, которая, однако, становится безжизненной, схематичной и искусственной, как только мы начинаем пристальнее вглядываться в реальное литературное развитие в 300-х немецких государствах с их специфическими историческими традициями, условиями и возможностями, с их соперничеством и враждой, постоянно разводившей их по разные стороны баррикад. История немецкой литературы может быть на самом деле адекватно изображена как сложная метасистема, внутри которой самостоятельно пульсируют многочисленные подсистемы, определяемые своими собственными локальными, региональными и национальными контекстами. В рамках таких локальных и региональных контекстов, самостоятельно породивших, к примеру, с конца XVIII века невиданное в других странах количество романтических центров, кружков, течений и школ, совершенно естественно выглядит и серболужицкий романтический кружок, возникший в 1814 году в Лейпцигском университете в студенческом обществе Сорабия. Верхнелужицкий предромантизм и романтизм формировался вплоть до 1820-х годов исключительно в серболужицко-немецком протестантском и протестантско-пиелистском контексте.

3. С помощью историко-контекстуального подхода, то есть в данном случае конкретного учета переменчивого славянско-германского контекста серболужицкой литературы, на наш взгляд, удастся вполне удовлетворительно уточнить периодизацию историко-литературного процесса в Сербской Лужице и, в первую очередь, провести более четкие границы литературных эпох и направлений: Просвещения, романтизма, национального возрождения, реализма и модернизма.

4. С позиций историко-контекстуального подхода очевидна необходимость самостоятельной разработки истории верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур и теперь уже вне всякой зависимости от разноречивых мнений лингвистов о статусе верхнелужицкого и нижнелужицкого языков и степени их самостоятельности. Историко-контекстуальный подход позволяет четко систематизировать религиозные, политические, социокультурные, социолингвистические и прочие многочисленные различия локальных контекстов литературного развития в Верхней и Нижней Лужицах и объяснить разительные расхождения в типологии историко-литературного процесса в верхнелужицкой и нижнелужицкой литературах и часто не складывавшийся «диалог» этих литератур – то есть все то, что историки литературы долгое время и безуспешно пытались игнорировать и лишь в последние десятилетия постепенно начинают осознавать как насущную проблему, хотя истории нижнелужицкой литературы до сих пор не существует, а потому и история всей серболужицкой литературы продолжает оставаться незавершенным фрагментом.

5. Серболужицкая литература представляет собой метасистему, в которую на равных правах входят две подсистемы, верхнелужицкая и нижнелужицкая литературы, и их история должна выстраиваться как описание подсистем и метасистемы, и это описание при историко-контекстуальном подходе перестает быть простой суммой входящих в нее подсистем и неизбежно приобретает новые качественные характеристики.

6. Наиболее сложным и, может быть, требующим дальнейшей разработки является вопрос *о принципах включения* в историю серболужицкой литературы многочисленных текстов на немецком языке, созданных серболужицкими писателями, но особенно также весьма многочисленных литературных (и публицистических) текстов, написанных этническими немцами, чехами, словаками и поляками на верхнелужицком, нижнелужицком и немецком языках.

7. «Чистого» этнического самосознания у серболужицан уже давно нет, но от этого они никак не перестают оставаться серболужицанами. Историко-контекстуальный подход позволяет анализировать весь многосложный процесс многовековой адаптации этнического самосознания серболужицан к изменчивому серболужицко-германскому контексту и вместо малосущественной проблемы «чистоты» этнического самосознания говорить о его характерных и отличительных чертах, о его национальной и региональной специфике, причем и с этой точки зрения совершенно отчетливо просматриваются различия ситуации в Верхней и Нижней Лужицах: в Нижней Лужице этническая «чистота» еще более «замутнена», акцент на «немецкости» у нижнелужицан проступает еще более очевидно. Но последовательное применение историко-контекстуального подхода позволяет сделать и еще одно важнейшее наблюдение, помогающее объяснить, почему пророчества М. Лютера (к которым присоединялись в XIX–XX веках также и отдельные слависты) о скорой ассимиляции серболужицан за прошедшие 500 лет так и не сбылись. Отчетливая специфика серболужицко-немецкого регионального контекста состоит еще и в том, что он не был четко однонаправленным, то есть воздействовал не только на серболужицан, в этническом самосознании которых появлялась доля «немецкости», но он отражался и на немцах, поселявшихся на серболужицких территориях. Эти немцы зачастую овладевали серболужицкими языками, включались в традиционную систему местных обрядов и обычаев, что в конце концов (осознанно или неосознанно) приводило к модификации их этнического самосознания, в котором появлялась определенная доля «серболужицкости».

8. «Дух» народа и его литературы не надо конструировать априорно, но нужно внимательно и непредвзято изучать движущийся и постоянно изменяющийся историко-культурный контекст. Историко-контекстуальный подход позволяет увидеть, что на протяжении обозримой истории национальный контекст многократно «загрязняется» и «очищается», что зачастую случалось в истории серболужицкого этноса и литературы и обнаруживало несостоятельность односторонних культурологических прогнозов.

9. Основное различие национального и регионального контекстов в том, что при изучении той или иной литературы в национальном контексте мы учитываем региональную специфику (то есть развитие соседних стран и народов и их культур) лишь в той мере, в какой она влияла на *непосредственное* развитие изучаемой нами литературы по тем результатам, которые предстают перед нами в виде произведений национальной литературы и письменно зафиксированных свидетельств текущей литературной жизни. Разумеется, речь идет не о проведении каких-то строгих границ, но лишь о расстановке акцентов. При изучении литературы в национальном контексте исследователь должен знать по возможности *все* об этой литературе, а из регионального контекста только самое необходимое, помогающее объяснить или оттенить национальную специфику изучаемой в национальном контексте литературы. Сравнительное литературоведение возникло в Германии как вспомогательная наука, которая должна была методом сравнения отдельных литератур выявлять черты своеобразия национальной литературы. В этой своей функции оно во многих случаях продолжает существовать и до сих пор, и подобные работы при необходимости можно было бы классифицировать как сравнительное литературоведение в национальном контексте. Изучение же национальной литературы в региональном контексте требует перехода на *качественно иной уровень*: исследователь должен по возможности в равной степени хорошо владеть фактическим историко-литературным материалом всего окружающего исследуемую им литературу *историко-культурного ареала* и, опираясь на все это добытое по первоисточникам знание, описывать историю исследуемой им национальной литературы. Разумеется, результаты двух исследований одной и той же литературы, но написанных в одном случае с позиций национального, а в другом случае с позиций регионального подходов, будут заметно отличаться друг от друга и в общем, и в частности.

10. Серболужицкая литература – сложное единство двух литератур (верхнелужицкой и нижнелужицкой), каждая из которых имеет свою собственную длительную историю, совершавшуюся в собственном специфическом историко-культурном контексте. Историко-культурный контекст нижнелужицкой литературы включает в себя *прежде всего* Пруссию, Польшу и Верхнюю Лужицу (как часть Саксонии); в историко-культурный контекст верхнелужицкой литературы входит Саксония и Пруссия, Чехия (и Словакия), Польша и Австрия, Словения и Россия. Через католический «канал» верхнелужицане имели доступ к культурам католического мира (очень многие крупнейшие верхнелужицкие писатели и ученые XIX – первой трети XX века подолгу жили в Праге, обучаясь сначала в Серболужицкой семинарии, и далее – в Пражском университете), через протестантский и пиетистско-протестантский (Галле, отчасти Лейпциг и др.) – могли общаться со всем обширным протестантским миром. Через протестантско-пиетистские и масонские каналы (Г. Рушка) у них укрепились связи даже с Россией. Нижнелужицкие писатели могли подолгу жить в Берлине (Д.Б. Глован, М. Виткойц), но не получали чешского и австрийского гражданства (как Я.П. Йордан) и не добивались его (Ю. Хежка). Приведенные здесь примеры сами по себе известны, но и литературные связи должны *системно* включаться в контекстуальный анализ. То есть, если к примеру, подсчитано, что 50 верхнелужицких писателей и ученых окончили Пражский университет, и в то же время ни один нижнелужицкий писатель и ученый в Праге не учился, то очевидно,

что в истории верхнелужицкой литературы проблема чешско-верхнелужицких литературных взаимосвязей и их последствий должна получать специальную разработку и качественную оценку. Историка нижнелужицкой литературы эта проблема вообще может не заинтересовать, потому что названный факт в нижнелужицкой литературе отсутствовал. Но как отнестись к этому факту историку серболужицкой литературы? Очевидно, что простой констатацией только самого факта он ограничиться не может. Очевидно, ему придется попытаться понять, как сказался этот факт *на обеих литературах* (нижнелужицкой и верхнелужицкой), какие дополнительные оттенки он внес в их и без того уже заметные различия. Далее он попытается определить, как изученный им факт повлиял на *диалог* обеих литератур: ведь не на пустом же месте возникло *полное непонимание* крупнейшими верхнелужицкими патриотами (Г. Зейлер, А. Смолер, К.А. Енч и др.) замечательной поэмы нижнелужицкого патриота К.Ф. Стемпеля, приведшее в том числе и к утрате части его рукописного наследия. В рамках *всей* серболужицкой литературы данный конфликт (и многие другие конфликты подобного рода) имеют *совершенно иное значение*, чем в рамках верхнелужицкой или нижнелужицкой литератур *по отдельности*. Но чтобы изучить и описать обе литературы вместе, в неразрывном единстве притяжений и отталкиваний, необходимо одинаково доскональное знание обеих литератур. Этого и требует историко-контекстуальный подход при переходе от локального или национального уровня исследования на региональный: прежде чем делать выводы о метасистеме той или иной культуры, нужно изучить составляющие ее системы и их противоречивое взаимодействие.

11. Серболужицкая литература – это литература, включающая в себя произведения серболужицких писателей *на всех языках*, которыми им приходилось пользоваться, исходя из обычаев эпохи (средневековая латынь), исторических форм собственных языков (верхнелужицкие и нижнелужицкие диалекты, затем – литературные языки), языков тех государств, в которых им приходилось или приходится жить (чешский, венгерский, немецкий и др.). Для окончательного изживания трансформированных в нашу современность славянофильских идеалистических концепций (то, что прекрасно звучало – и продолжает звучать – в устах И.И. Срезневского, выглядит сегодня как недостаточное знание реального историко-культурного контекста) необходимо ясно видеть, что немецкий язык в ходе многовековой совместной истории стал равноправным и *родным* языком серболужицкой литературы – прежде всего потому, что они были коренными жителями Германии, и немецко-серболужицкое языковое пространство уже со средних веков было их единственным реальным ландшафтом. О том, что это был действительно *единый культурный контекст*, можно написать очень большую и насыщенную конкретными фактами монографию, но здесь укажем лишь на то, что не только серболужичане «онемечивались», но и немцы «осерболужичанивались», и это происходило именно потому, что и те и другие жили в *едином* историко-культурном пространстве (контексте, регионе). Уже в 1656 году на нижнелужицком языке была опубликована книга «Выдержки из Священного писания Ветхого и Нового Завета», авторами которой были два нижнелужичанина, два словака (Каспер Яношик и Ян Лупин) и немец (Кристиан Фридрих); вдохновителем, меценатом и непосредственным участником этого издания был немец Готфрид Тройер (1600–1666), владевший нижнелужицким языком прежде всего потому, что он был для него *своим* и привычным с детства – так же, как и немецкий. Заметным нижнелужицким писателем стал Юро Зуровин (Георг Заурвайн, 1831–1904), в верхнелужицкой литературе добился большой популярности Ян Валтар (1860–1921), чьи стихи, но особенно рассказы, исторические повести и романы сыграли заметную роль даже в историко-литературном процессе в целом, способствуя популяризации повествовательных жанров и расширению читательской аудитории. Названными именами данная тема далеко не исчерпывается. Разумеется, произведения, написанные этими немцами на серболужицком языке – неотъемлемая составная часть серболужицкой литературы. Вообще проблема национально-этнического происхождения писателя при историко-контекстуальном подходе не может быть совсем опущена, но она решается на этапе историко-генетического анализа творчества писателя и в рамках исторической поэтики, которая, сталкиваясь со спецификой и неповторимостью конкретного произведения, не может опустить ничего, что могло бы помочь ей ответить на важнейшие для нее вопросы. Характерно, что феномен написанной евреями *пражской немецкой литературы* (Г. Мейринк, Ф. Кафка, М. Брод и др.), внесшей огромный и трудно переоценимый вклад в историю австрийской, немецкой, да и мировой литературы, очень трудно поддается освоению с позиций компаративистики, с помощью типологических сопоставлений и т.д. Однако тщательное (и, естественно, весьма трудоемкое, поскольку одних литературоведческих приемов и методов здесь явно недостаточно) *восстановление исторического контекста*, связанного с длительным совместным проживанием и постоянным взаимодействием в Праге чехов, немцев и евреев, помогает постепенно понять, что в творчестве Ф. Кафки средствами немецкого языка выразился своеобразный *синтез мироощущений трех культур*: еврейской, чешской и австрийско-немецкой. Типологию здесь пришлось бы проводить *внутри* одного писателя и сравнивать его с самим же собой, поскольку его естественной питательной почвой были все три культуры: еврейская, австро-немецкая и чешская. И понять Кафку по-настоящему можно лишь в контексте всех трех культур, которые литературовед к тому же должен знать *одинаково* хорошо.

12. На протяжении всей истории серболужицкой словесности и литературы огромное (и даже, видимо, центральное) место занимали поистине героические усилия писателей, направленные на сохранение и развитие родного языка, что вплоть до XX века было *равнозначно* сохранению самого народа, его самосознания, его этнической целостности. Если бы серболужицкий народ *полностью* утратил свой исконный язык, то разрабатываемая нами проблематика перешла бы в совершенно иную плоскость¹. В такой экзистенциальной борьбе за физическое и духовное выживание очень мало места остается для эстетических упражнений и игр. Серболужицкая литература (в ее фольклорных, религиозных и светских формах) была *важнейшим* средством борьбы за сохранение и развитие родного языка, выполняя посредством языка целый ряд специфических идеологических функций:

а) литература вырабатывала и формировала духовную национальную идеологию, прививавшую серболужичанам идею необходимости осознания своей этнической и национально-культурной целостности и борьбы за сохранение этой целостности²;

б) литература давала единственную продуктивную возможность преодоления чувства национальной неполноценности и ущербности, естественно возникавшего в силу политики национальной дискриминации, прослеживающейся в тех или иных формах практически во всей истории обеих Лужиц;

в) начиная с эпохи Просвещения литература была еще и неисчерпаемым стимулом и источником *духовного могущества*, позволявшим серболужичанам хотя бы в лучших достижениях своего национального этноса (вопреки своей малочисленности и постоянной *реальной ущемленности*) чувствовать себя *наравне* с другими, более многочисленными, сильными и свободными народами.

13. В связи с вышесказанным неизбежно встает вопрос о формировании и развитии *эстетической коммуникативной функции в истории серболужицкой литературы*. К сожалению, этот вопрос совершенно не исследован в литературоведении (разве что в работах В. Кошмаля, который – исходя из теории «первичных» и «вторичных» стилевых формаций – стремится проследить, каким образом «вторичная» стилевая формация складывалась в верхнелужицкой литературе, начиная с Я. Барта-Чишинского [2, S. 51 – 58]). Но даже и в теоретически насыщенных и последовательно выполненных работах В. Кошмаля мы сталкиваемся с одним из крупных недостатков, характерных, пожалуй, для большинства современных литературоведческих работ с теоретической «подкладкой». Литературоведы словно забывают, что всякая литературоведческая теория, *во-первых*, всегда условна, так сказать *гипотетична*, и, *во-вторых*, первоиздатель той или иной теории создает ее на основе своих собственных знаний конкретного литературного контекста («участка» литературы), который он освоил более основательно (всего не знает никто). *И здесь не бывает исключений* (именно поэтому и бахтинские теории подвергаются в последние годы иногда открытой, но чаще завуалированной критике) [4]. Всякая литературная теория хорошо «работает» на своем литературном материале и в своем контексте, но наивно полагать, что может быть универсальная литературная теория, дающая ключи ко всем проблемам истории литературы. В этом смысле и наш историко-контекстуальный подход – всего лишь рабочая гипотеза, которая «выросла»

¹ О том, что она не исчезла бы полностью (мы опускаем здесь тот факт, что наука изучает и «мертвые» языки – прусский, полабский и т.д.) свидетельствует хотя бы то, что многие славянские привычки и обычаи стали привычками и обычаями немцев (или это бывшие славяне, онемеченные в предшествующие столетия?), проживающих в Сербской Лужице. От нижнелужичан мы с интересом узнали о том факте, что в последние годы увеличился приток немцев в кружки и на мероприятия Домовины: эти немцы хотят лучше узнать исторический культурный контекст (ландшафт), в котором они живут. Сознание человека исторически изменчиво, и как знать, не суждено ли ему когда-нибудь повернуться в сторону исчезнувших и исчезающих культур и народов. Господствующий ныне взгляд на историю только с точки зрения идеологии «победителей» может когда-нибудь оказаться полностью исчерпанным (духовно и фактически), и тогда может возникнуть другая оптика истории: истории с позиций побежденных, уничтоженных, подавленных культур – и, может быть, именно отсюда человечество сможет извлечь новый и необходимый для него нравственный опыт (и «прогрессивистская модель мира», все еще представляемая позитивистской наукой, тогда, видимо, тоже окончательно расшатается).

² Эта функция литературы, требовавшая активного диалога и взаимопонимания интеллигенции и народа, до определенной степени осуществлялась в Верхней Лужице, что же касается Нижней Лужицы, то плодотворного диалога интеллигенции и народа (по многим причинам) так и не получилось. По поводу этих причин см. в том числе очень емкую и точную по сути статью: [1]. И в то же время Л.Э. Калнынь, как славист, прослеживает лишь одну сторону многоступенчатого процесса ассимиляции: она совершенно верно отмечает, что сохранение большого числа нижнелужицких диалектов (едва ли не в каждой деревне свой, отличный от других, диалект) связано с особенно ревностным желанием сохранить именно «свое», оградив его от «чужого». На уровне этнокультурном и этнопсихологическом нижнелужицкие «венды» порой весьма открыто противопоставляли (уже в XIX веке да и сейчас) себя верхнелужицким «сорбам» (Sorben), – в то время как верхнелужичане и до сих пор воспринимают этноним «венды» как оскорбление (это хорошо отражено в художественной литературе, например, у А. Стаховой, и проверено на уровне психологических тестов). То есть они в этом случае приняли издавна внушавшийся им немцами этноним (и этот пример можно прибавить к тем двум, которые специально обсуждены в статье, где говорится о принятии нижнелужицкими диалектами немецких лексем для названий *отца* и *матери* – [1, с. 8]).

на конкретном, серболужицком, историко-литературном материале, когда другие теории уже не давали возможности понять и описать этот материал в его совокупности. Наш подход диктуется в то же время *необходимостью перехода* от историй национальных литератур в национальном контексте к историям региональных литератур в региональном контексте.

Возвращаясь к вопросу о развитии эстетической коммуникативной функции в истории серболужицкой литературы, можно еще заметить, что здесь пока отсутствуют предварительные наработки в виде историй отдельных жанров, не говоря уже о попытках рассмотреть систему жанровых взаимосвязей на протяжении всей истории или даже на примере какого-то одного периода развития. Без всех этих – и других – разработок и предлагаемые ниже соображения могут носить лишь самый предварительный характер:

а) эстетическая коммуникация как таковая специально не выделялась (и чаще всего даже не осознавалась) серболужицкими писателями из других вышеозначенных функций литературы, но это отнюдь не означает, что она вообще отсутствовала. Ее можно довольно легко «вычленить» из самих текстов и из литературных манифестов писателей (Х. Тара, Ю. Мень и т.д.). Но *формулирование* эстетической функции литературы как особой, специфической и ничем не заменимой *формы сознания и формы коммуникации* начинается, видимо, все-таки только в творчестве Я. Барта-Чишинского (отсюда, на наш взгляд, и его полемика с Г. Зейлером, который эстетическую коммуникацию *полностью подчинял* идеологическим целям – в самом широком, выше уже разъясненном смысле; в смысле идеи «соборности», если это может быть понятнее);

б) подчеркнуто *индивидуальное начало*, понимаемое здесь как открытое выражение личности и позиции автора от первого лица, появляется в серболужицкой литературе едва ли не с первых памятников (даже в фольклоре оно выражено, но в связи со спецификой фольклорного «я» этот вопрос требует специального рассмотрения). И здесь мы решительно расходимся с В. Кошмалем, приписывающим открытие этой позиции Я. Барту-Чишинскому. Пронзительно-интимные стихи есть и у Г. Зейлера, и у Герты Вичазец (1819–1885), но и значительно раньше – уже в стихотворном посвящении «Автор своему катехизису» (1610) Х. Тары, да и значительно раньше – в стихотворениях и поэмах серболужицких гуманистов. Да и как же могло не прорываться субъективное авторское начало, когда серболужицкий писатель *всегда* находился в *чрезвычайной экзистенциальной ситуации* (образно выражаясь, каждый крупный писатель ощущал себя «последним из могикиан»)! Эта проблема, разумеется требует дальнейшей разработки, но нам пока представляется, что здесь – определенная специфика серболужицкой литературы, отражающая и экзистенциальную ситуацию этого самого малочисленного славянского народа;

в) при изучении серболужицкой литературы создается ощущение, что *игра эстетическими возможностями языка* никогда не была для серболужицких писателей самоцелью, а возникала лишь эпизодически как «*побочный продукт*» индивидуального таланта того или иного писателя. Даже такой изощренный постмодернист, как Кито Лоренц (см. драмы «Вендское судоходство», 1993, и «Колбаса», 1994) продолжает варьировать, но уже постмодернистскими средствами, все ту же экзистенциальную тему: разве может умереть такой виртуозный, с неисчерпаемыми эстетическими возможностями язык («Колбаса» – на верхнелужицком языке), разве может окончательно ассимилироваться и «раствориться» такой своеобразный («чудаковатый») – К. Лоренц использует в том числе приемы романтической иронии и развивает приемы «очуждения» Б. Брехта) народ, такой неповторимый, немецко-славянский ландшафт («Вендское судоходство», в основном на немецком языке, но с большими верхнелужицкими вкраплениями (отдельные диалоги, песни, реплики), а также тирольскими, саксонскими, берлинскими и даже «папуасскими» пассажами)?

14. Для серболужицкой литературы второй половины XX века, развивавшейся в ГДР и (с 1990 года) в ФРГ, особой проблемой стала проблема *двуязычия*. Многие серболужицкие писатели, и так с детских лет владевшие немецким языком, стали активно и вполне осознанно писать и издаваться на немецком языке. Мотивы, разумеется, были разными, и литературовед – не судья жизненного поведения и не публичный моралист, но все же нельзя не заметить тех последствий (одновременно позитивных и негативных), которое имело это поощряемое государством двуязычие для дальнейшего развития серболужицкой литературы. Соблазнов для литературно одаренных серболужичан в ГДР открывалось немало: выход в немецкие издательства сразу же выводил на несравненно более широкую читательскую аудиторию (если даже принять официальную цифру – а статистика серболужицкого населения в ГДР ни разу не проводилась – в 100.000, то немцев в ГДР все равно было в 170 раз больше, чем серболужичан); появилась возможность получать более высокие гонорары (на практике двойные или даже тройные); появилось гораздо больше вероятностей для переводов на другие языки (все многочисленные переводы Ю. Брезана на русский язык сделаны с *немецкого языка*) и – не в последнюю очередь – значительно увеличивались шансы на творческие поездки за границу. В данном случае совершенно не имеет значения неполнота в перечислении названных последствий, важно лишь понять в принципе, что было много

самых разных факторов, побудивших серболужицких писателей совершить невиданный до того в серболужицкой литературе «скачок» в немецкую литературу.

Уже с 1950-х годов серболужицкие писатели – впервые в истории немецкой литературы – стали активно переводить на немецкий язык серболужицкую классику (Г. Зейлер, Я. Барт-Чишинский и др.), а затем публиковать свои произведения в немецких журналах и книги в немецких издательствах. Назовем здесь лишь самые крупные имена, входящие в «золотой фонд» послевоенной серболужицкой литературы: Ю. Брезан, К. Лоренц, Ю. Кох, А. Стахова, Р. Домашцына, Б. Дырлих. Естественно, что их произведения широко обсуждались в критике ГДР, их имена попали в литературные справочники и истории литературы, и творчество их постепенно стало неотъемлемой частью немецкоязычной литературы ГДР, а затем – как показало время – такой же частью литературы ФРГ и всех немецкоязычных литератур, которые и до сих пор по давней традиции чаще всего рассматриваются как единое целое (естественно, при наличии также и *национально ориентированных* историй австрийской и швейцарской литератур). Проблема двуязычия серболужицких писателей могла обсуждаться в ГДР только в своих положительных аспектах. После присоединения ГДР к ФРГ (1990) в литературной прессе появилось немало материалов, позволяющих увидеть далеко не однозначные последствия такого ускоренного многими обстоятельствами «слияния» серболужицкой и немецкой литератур. Полного «слияния», разумеется, не произошло: всегда оставались писатели, создававшие свои произведения только на серболужицких языках, да и крупнейшие писатели, вошедшие в немецкую литературу, отнюдь не стали «ренегатами». Но определенный раскол национальной интеллигенции на «монокультурную» и «бикультурную» или «мультикультурную» все же произошел – эта трещина обнаруживается уже и в 1950-е годы.

В дискуссиях, развернувшихся в этой связи за последнее десятилетие участвуют не только сорабисты из бывшей ГДР, но – все активнее – слависты и даже германисты из многих стран. В этих дискуссиях были затронуты вопросы, относящиеся сегодня не только *непосредственно* к современной Сербской Лунице, но и вообще к проблемам функционирования культур и языков (и выживания) малых народов и этнических групп Европы (которых, как обнаружилось, не так уж мало) и – далее – к значительно более пристальному взгляду на современный культурный ландшафт Европы. В этом нестройном научном (а иногда принимавшем и идеологические оттенки) диалоге постепенно выяснились по крайней мере три ведущие позиции, из которых мы особо выделим одну, наиболее ярко представленную, с одной стороны, немецким славистом и сорабистом Вальтером Кошмалем и, с другой, крупнейшим современным серболужицким писателем Кито Лоренцом, взгляды которых, на первый взгляд, неожиданно, но почти совпали. В. Кошмаль, начинавший с концептуальных статей о специфике серболужицкого модернизма, издал в 1993 году во многом новаторский коллективный труд «Перспективы серболужицкой литературы» и вслед за этим монографию «Основополагающие черты серболужицкой культуры. Типологический анализ» (1995). В. Кошмаль стремится объединить обширный опыт построения типологии культуры, накопленный современной компаративистикой, с максимальным учетом результатов исследований национальных, региональных и этнических моделей культуры, сочетая все это с многолетними штудиями самой серболужицкой культуры. В данном случае нас интересуют прежде всего его конечные выводы.

В. Кошмаль вводит и обосновывает термин «новая немецкая литература славянских серболужичан» [3, S. 9 – 46], что означает в том числе и констатацию того факта, что обширная серболужицкая литература на немецком языке продолжает сохранять свою отчетливо национальную специфику, современные серболужицкие писатели отражают «бытие, конституирующее свою идентичность в противоречии и уже сейчас создают литературу и искусство, обладающее такой огромной коммуникативной интенсивностью, что она легко включается в общий диалог культур, в котором отчетливо слышатся и серболужицкие голоса» [3, S. 41]. Соглашаясь с тем, что европейская культура в целом переживает сейчас стадию постмодернизма, сказывающегося в утрате «доминирующего принципа» и «целостности» и принятию «многообразия» равноправных возможностей, он завершает свою концептуальную главу следующим итоговим выводом: «Серболужицкая литература также пошла по этому пути. Но для нее, как для малой литературы, всегда были характерны специфические условия эволюции. Возникает вопрос: не примут ли процессы саморазрушения у серболужичан теперь уже окончательный характер. Но мы знаем, что этот вопрос столь же древний, как и сами серболужичане» [3, S. 46].

К. Лоренц подобных риторических вопросов не ставит. Он не сомневается в том, что серболужицкая литература, пережившая на протяжении истории многие драматические ситуации, выдержит и испытание постмодернизмом. Сам К. Лоренц, будучи одним из зачинателей и наиболее ярким представителем постмодернизма в современной серболужицкой литературе, постоянно и с одинаковой интенсивностью пишет книги на верхнелужицком и немецком языках и постоянно теоретически (и полемически) обосновывает новую модель развития серболужицкой культуры в современных условиях, главное из которых – исторически обусловленное и окончательно закрепившееся *двуязычие* серболужичан, которое является уже непреложным фактом национального самосознания и считается с которым *национальный серболужицкий* писатель просто обязан. Лоренц предлагает рассматривать отношение серболужицкой истории к

немецкой истории в новейшее время как отношение особенного и общего. Таким же является и национально-этническое самосознание современного серболужичанина, который в более общем, государственном смысле чувствует себя немцем, оставаясь в то же время в частном, особенном смысле серболужичанином. «И общество признает его в равной степени как серболужичанина и как немца, поскольку он свободно и без всяких помех способен осуществлять коммуникацию в обоих коммуникативных сообществах. Так, есть двуязычные серболужичане, которые акцентируют свою сербскость, но есть и другие двуязычные, которые подчеркивают свою немецкость. Между этими двумя позициями есть еще и целый спектр промежуточных позиций» [5, S. 44]. Таким образом, сопоставляя позиции немецкого слависта В. Кошмала и серболужичского писателя, литературоведа³ и критика К. Лоренца, можно сделать следующий вывод: при написании полновесной истории немецкой литературы литературовед должен найти приемы и методы описания, которые позволили бы ему *адекватно* ввести в эту историю «немецкую литературу славянских серболужичан» (не только современную, но, по крайней мере, от Хандроша Тары, то есть с XVII века), то есть литературовед *вынужден* будет соотносить эту *немецкую славянскую литературу* с национальными традициями немецкой литературы и рассматривать эту (немецкую) часть серболужичской литературы в соответствии с теми принципами и правилами, которые он в данном конкретном случае считает наиболее эффективными для понимания истории немецкой национальной литературы. Для историка серболужичской литературы эта проблематика предстает совершенно в ином ракурсе. Он рассматривает историю и сами памятники серболужичской национальной литературы, исходя из специфических условий формирования и развития национального этноса, который в ходе этого развития мог – добровольно или вынужденно – *использовать разные языки* (верхнелужицкие и нижнелужицкие диалекты, затем языки латинский, немецкий, чешский) для создания *адекватного языка собственной национальной литературы*, которая, развиваясь в национальном контексте, неизбежно и органически перерабатывала и включала в себя также и региональный контекст – такой, каким он складывался от столетия к столетию, через все зигзаги национальной, региональной, европейской и мировой истории.

Тем самым необходимость изучения истории серболужичской литературы в региональном контексте находит мощное подтверждение и при анализе современной общественной и литературной ситуации в Сербской Лужице. И если – как мы надеемся – из всего вышесказанного ясно, что изучение немецкоязычной части серболужичской литературы *неизбежно* даже в рамках национального контекста, то оно *совершенно необходимо* в рамках регионального контекста. Различия этих двух контекстов тоже совершенно очевидны. И все же еще раз подчеркнем важнейший из наших тезисов: при региональном подходе к региональному контексту *одинаково важны все составляющие этого контекста*. Компаративистика слишком быстро перешла в область глобальных обобщений и типологических конструкций – отсюда и все ее очевидные сегодня недостатки и попытки (задним числом) опуститься на региональный уровень исследования⁴. Многочисленные труды по межлитературным связям и взаимодействиям (включая сюда и попытки определить типологию этих взаимодействий) сами по себе замечательны и необходимы, но *только* с их помощью названную проблему разрешить невозможно. И еще раз с решительностью подчеркнем: увеличившийся за последнее десятилетие список трудов по межлитературным и межкультурным связям⁵, и даже расслоение этого потока на различные и вполне самостоятельные «течения»⁶ с

³ К. Лоренц несколько лет работал (как литературовед) научным сотрудником Института серболужичского народоведения в Будишине (после 1990 года переименован в Серболужичский институт), издавал литературоведческие работы и монографии, в том числе имевшую очень широкий международный резонанс хрестоматию: [9].

⁴ См. в этой связи показательные книги: [10, 11]. В отечественной науке продуктивная тенденция к проработке регионального контекста отчетливо проявилась в книге: [8]. В принципе схожие идеи лежат и в основе очень важной серии трудов «Славяне и их соседи», см. в том числе последний: [7].

⁵ Институт всеобщей истории РАН после документальных книг «Россия и Швеция» и «Россия и Испания» объявил об издании приоритетной серии «Россия и Европа», которую начал выпуском весьма любопытного научно-культурологического сборника: Россия и Италия. Отв. редактор Н.П. Комолова, Е.С. Токарева. М., 1993. – 456 с.

⁶ Мы имеем в виду, например, такой вполне самостоятельный (и с определенной методикой) род исследований, как изучение оппозиции «свой» – «чужой», или получившие тоже достаточно широкое распространение темы вроде «русские глазами немцев» и «немцы глазами русских», наиболее объемно разработанные в широко известном Вуппертальском проекте под руководством Л. Копелева, см. подробнее: [6, с. 6 – 22]. Но именно этот труд (нами изучено пока 6 томов) со всей очевидностью показал, насколько сложна даже проблематика «взаимоотражений»: Россия «глазами немцев» показана значительно основательнее и документированнее и – главное – точнее, чем Германия и немцы «глазами русских» – только ли потому, что «русская сторона» в авторском коллективе представлена в этих томах только одним Л. Копелевым? Представляется, что подходу к теме Германия и немцы «глазами русских» научно, то есть максимально *непредвзято*, трудно избежать представления *нескольких точек зрения* на заявленную проблематику (хотя бы западной и славянофильской, которые имеют свою давнюю и продолжающуюся до сих пор традицию). Успешным продолжением современной разработки проблематики «взаимоотражений» является, на наш взгляд, книга «Поляки и русские», изданная в 2000 году в Институте славяноведения РАН под редакцией В.А. Хорева.

собственной методикой освоения историко-культурного материала⁷, – все это необычайно важно и необходимо науке и по-своему подводит ее к вычленимой здесь нами проблематике, то есть конкретно, хотя и постепенно обнаруживает, насколько непросто будет переход от истории национальной литературы в ее национально-региональных аспектах к воссозданию истории литературного региона во всей полноте его регионального контекста. Чтобы выразиться еще яснее: центр тяжести на современном этапе должен переместиться от исследования взаимосвязей – к исследованию подвижной динамики регионального контекста; лишь потом, изучив множество региональных контекстов (и постепенно расширяя само понятие регион – поскольку *каждый регион* – будучи сам частью более обширного региона – может включать в себя и более мелкие регионы, которые сами по себе могут включаться еще и в другой региональный контекст), можно будет заново осмыслить и проблематику литературных взаимосвязей. Сколько всего позабытого и еще не освоенного (якобы за ненадобностью – да оно и действительно казалось ненужным при написании историй национальных литератур в национально-историческом контексте) нам придется при этом вспомнить или заново разыскать! И какие новые связи и закономерности нам при этом откроются! Но нетрудно предположить, что после этой, на практике гигантской, работы и истории национальных литератур станут точнее и вывереннее⁸.

Завершая это тезисное введение, хочу подчеркнуть, что сколь бы скромными ни были мои успехи по освоению проблематики серболужицкой литературы, они оказались возможными лишь потому, что я с 1983 года работал в Институте славяноведения РАН и – оставаясь преимущественно германистом – постепенно включался в комплексное изучение проблематики славянских литератур и культур. Взгляд на «германский мир» со стороны «славянского мира», оказался весьма полезным и для дальнейшего углубления в историю немецкоязычных литератур: исторические «расхождения» и «схождения» немецкой, австрийской и швейцарской литератур становятся гораздо понятнее в изменчивом региональном контексте, который складывался в результате постоянного взаимодействия славянского и германского культурных ареалов. Это взаимодействие было неравномерным не только в диахроническом разрезе, но и территориально – даже в границах собственно Австрии, Швейцарии или Германии. Практически каждая территория является в этнокультурном плане «пограничной», но эти границы подвижны и исторически изменчивы, в каком-то одном смысле постоянны и в каком-то другом смысле трудноуловимы...

Хочу от всей души поблагодарить всех моих друзей и коллег в Институте славяноведения. Хотелось бы назвать всех по именам, но их слишком много. Может быть, судьба предоставит для этого более благоприятную возможность...⁹

2 февраля 2001 г., Новополоцк

⁷ Наиболее богатой по методологии и достигнутым конкретным результатам в научном плане на сегодняшний день представляется коллективная разработка проблематики «балканской модели мира», представленной в «Балканских чтениях» и многих авторских монографиях по данной проблематике.

⁸ Но, хотя бы в примечании, необходимо заметить, что наиболее болезненный процесс в истории изменения функционирования общественного сознания – это ломка стереотипов, в том числе и научных. Функционирование стереотипов в общественном сознании – это нормальная форма его бытия. Но стереотипы так же успешно функционируют и на уровне научного сознания, это, так сказать, *обыденные научные стереотипы*. Так, гениальные идеи В.И. Вернадского (1863–1945) о «живом веществе природы» и «ноосфере» как «геологической силе», продолжающей по-своему деятельность «живого вещества природы», сформулированные в основных чертах еще в начале 1920-х годов и требующие совершенно новой оптики и методологии также и в сфере общественных наук, пока доходят к нам в заметно популяризированном виде. Но *региональный контекст* – это и есть то «живое вещество природы», в «котле» которого «варится» уже доступная нашему наблюдению человеческая цивилизация. Всемирный или мировой контекст на данном этапе развития гуманитарных наук возможен, к сожалению, пока лишь как попытка *приблизительного суммирования* национального и регионального опыта. Именно поэтому – при огромной затрате сил и времени огромным авторским коллективом – наши представления о действительном развитии всемирного историко-литературного процесса по прочтении «Истории всемирной литературы» (т. 1 – 8. – М.: Наука, 1983–1994) остаются почти на прежнем уровне: механическое соположение отдельных национальных литератур, дополненное попытками обобщений регионального развития, дает, конечно, некую *сумму*, но эта сумма пока еще далеко не равняется всемирному историко-литературному процессу, этому движущемуся и развивающемуся из ноосферы «живому веществу природы...».

⁹ Однако, не могу не поблагодарить директора Серболужицкого института в Будишине Дитриха Шольце, который в обстоятельной рецензии на мою книгу «Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней» (1997) ("Lětopis". Vudušin, 1998. – N 2 (45). – S. 126 – 129) наряду с высокой общей оценкой книги указал на целый ряд фактических неточностей, относящихся к историко-литературному процессу XX века (даты жизни отдельных писателей и др.). В настоящей книге я попытался перепроверить факты и даты по доступным мне новейшим источникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калнынь, Л.Э. Особенности языковой ситуации в Нижней Лужице как следствие языковой ассимиляции / Л.Э. Калнынь // "Славяноведение". – М., 1997. – № 2. – С. 4 – 10.
2. Koschmal, W. Die sorbische Moderne // "Lětopis". – Reihe D. – N 3. – Budyšin, 1988.
3. Koschmal, W. Perspektiven sorbischer Literatur / W. Koschmal (Hrsg.) // Perspektiven sorbischer Literatur.
4. Реутин, М.Ю. Народная культура Германии: позднее средневековье и Возрождение / М.Ю. Реутин. – М., 1966. – 217 с.
5. Lorenc, K. Bikulturalität und Selbstverständnis / K. Lorenc // "Theater der Zeit". – N 1. – Berlin, 1995. –S. 44.
6. Гугнин, А.А. Вуппертальский проект «Германия и немцы глазами русских» и его историко-культурное значение / А.А. Гугнин // Немцы в России: Историко-культурные аспекты; отв. редактор Т.Г. Биткова. – М., 1994.
7. Славяне и немцы. Средние века – раннее Новое время // Сборник тезисов 16 конференции памяти В.Д. Королюка; отв. редактор Л.В. Заборовский. – М., 1997. – 167 с.
8. Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика; отв. редактор О. Хованова. – М., 1997. – 319 с.
9. Lorenc, K. Serbska čitanka – Sorbisches Lesebuch / K. Lorenc. – Leipzig, 1981. – 730 S.
10. Strunz, J. Literatur und Interkulturalität. Komparatistische Studien zur Literatur und Kultur in Italien, Kroatien, Slowenien, Österreich / J. Strunz. – Klagenfurt/Celovec, Hermagoras/Mohorjeva, 1993.
11. Strutz, J. "Komparatistik regional – Venetien, Istrien, Kärnten" / J. Strunz // P.V. Zima. Korparatistik. – Tübingen, 1992. – S. 294 – 331.

ВВЕДЕНИЕ В АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

Пояснение от автора

I

Данная книга задумывалась как учебное пособие по курсу «Анализ художественного текста» для студентов *факультетов иностранных языков* педвузов и университетов – в первую очередь для дополнения и углубления слишком уж кратких курсов английской, немецкой, французской (и других) литератур, предлагаемых программами этих факультетов. Но на практике я сразу же столкнулся с тем, что общелингвистическая подготовка студентов факультетов иностранных языков в целом заметно уступает общелингвистической подготовке студентов романо-германских отделений филологических факультетов, – подобная ситуация сложилась исторически, но она вовсе не является непреодолимой и (или) само собой разумеющейся. Лучшие преподаватели факультетов иностранных языков отчетливо осознают ущербность названной ситуации, но исправить ее – увы! – в силу многих причин возможно лишь постепенно (См., например: [1, с. 212 – 214]).

В то же время и ситуация на филологических факультетах вузов с точки зрения общего прогресса науки за последние десятилетия весьма далека от идеальной. Курсы «Введение в литературоведение» и «Теория литературы» нередко дублируют друг друга, о чем свидетельствуют не столько даже одновременно функционирующие (и переиздаваемые) учебники 1920–2000-х годов², сколько в целом неплохо известная мне реальная вузовская практика. Попытки преодоления этой ситуации, которые предпринимает в последние годы кафедра теории литературы филологического факультета МГУ³, свидетельствуют – при всей их важности – скорее об огромных трудностях вузовского литературоведения, пытающегося сохранить гегелевско-марксистский понятийный аппарат советского литературоведения с помощью

¹ Публикуется начало книги. – А. Г.

² Назову лишь некоторые: Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика (учебник издавался 6 раз в 1925–1931 гг. и сейчас снова рекомендуется студентам под рубрикой «классический учебник»); Жирмунский, В.М. Введение в литературоведение. Курс лекций (этот курс ученый читал в Петербургском (тогда Ленинградском) университете в 1945–1949 гг. и затем – в основательно доработанном виде – во второй половине 1950-х годов) [2 – 6].

³ Хализев, В.Е. Теория литературы. Учебник. – М., 1999 (Этот учебник на данном этапе является, пожалуй, самым лучшим «связующим перекидным мостом» между лучшими учебниками советского периода и будущими учебниками XXI века); Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебное пособие (В.Е. Хализев, Л.В. Чернец, А.Я. Эсалнек и др.). – М.: Высшая школа, 1999. Особенность этих изданий в том, что они, являясь учебными пособиями, построены по словарному принципу: в немногих, но достаточно обширных статьях авторы стремятся вывести рассмотрение некоторых литературоведческих категорий на современный научный уровень.